

Евгений Замятин. Советские дети

Электронная версия: В. Г. Есаулов, 12 декабря 2005 г.

"Советские дети? Да, конечно, знаю: это - besprizorniki..." Такой ответ мне приходилось слышать здесь за границей не раз, когда заходила речь о детях в Советской России. Многие знают это экзотическое слово, многие видели и запомнили маленьких оборванцев, висящих на подножках московских трамваев, в каких-то ящиках под вагонами ухитряющихся путешествовать из Москвы в Крым и на Кавказ. Это бросается в глаза, это исключение знают, но не знают правила, нормы. Позвольте вас поэтому познакомить с моим приятелем Олегом.

В мой рабочий кабинет в Ленинграде входит мой приятель Олег, мужчина 8 лет, вместе с своим отцом. Дверь - низкая, отец входя нагибает голову, Олег ростом не большее метра, но он тоже нагибается: он чувствует себя вполне взрослым человеком. Он одет в матросскую курточку с голой шеей. Я приглядываюсь и замечаю, что на шее у него уже нет золотого крестика, который видел еще год назад. Следует диалог между мною и Олегом:

Я: А, Олег! Крестик снял? Значит, Бога уже нет?

ОЛЕГ (подумавши): Нет, Бог есть, но я в него больше не верю...

Автор этой оригинальной теологической формулы только год пробыл в советской школе. Сегодня их школу водили на завод. Олег рассказывает мне о станках и машинах с таким же увлечением, с каким в мое время говорили о змеях и об игрушечных пистолетах. На вопрос:

- Итак, значит, ты будешь... - он, не задумываясь, отвечает:

- Конечно, инженером.

Рот у будущего инженера набит грецкими орехами - он их обожает. Орехов на тарелке еще много, но Олег встает.

- Куда ты?

Ответ - деловым тоном:

- У нас - заседание, завтра начинаем сбор утиль сырья. На языке советского кода "утильсырье" - это старые галоши для резиновых фабрик, железный лом для металлических заводов. Газеты призывают граждан к сбору этого материала; Олег - гражданин; ergo... Вздохнув и оглянувшись на орехи, Олег уходит, снова нагибаясь в дверях, как взрослый...

Своего маленького приятеля Олега я вспомнил не случайно: в этом ребенке есть некоторые типические черты советского школьника. Я, впрочем, не уверен: смею ли я называть ребенком 8-летнего советского гражданина? В 8 лет он куда взрослее, чем был я в его годы, он куда взрослее, чем 8-летний француз или англичанин. О детях более старшего возраста - нечего и говорить. Пятилетние уже знают слово "пятилетка"; пятнадцатилетние будут говорить с вами о пятилетке неуклюжим языком официальных советских газет. Они не знают никаких сказок, никаких фей, никаких чудес: стихия детской фантазии введена в строго рационализированные, бетонированные, утилитарные каналы. Крылья - только аэропланные, превращения - только химические, святые - только революционные. Большая часть прежних детских книг изъята из библиотек и заменена новыми.

Из моей коллекции советских детских книжек я наудачу беру одну. Это - один из номеров журнала "Маленькие ударники" за 1931 год, издаваемый Государственным Педагогическим издательством для начальных школ, для моего Олега. Вот содержание одной из книжек этого журнала - оно расскажет о жизни советского школьника лучше и точнее, чем мое бедное перо беллетриста, не прошедшее через строгую школу Олега.

Номер журнала открывается стихотворением "Ударное лето". Тема этого поэтического произведения - приготовление грибных консервов, поливка и полка огорода, работа в птичнике и свиноматнике, словом - летние работы школьников в колхозах.

Затем - политическая передовица: о решениях шестого Съезда Советов, о выполнении пятилетки в четыре года и о колхозах. И вторая политическая статья - о московском процессе "меньшевиков", которым "буржуи посылали деньги". Дальше - статья об устройстве школьной выставки: граждане-школьники должны дать отчет, сколько они продали облигаций займа, сколько собрали "утильсырья", как они "боролись с кулаками и попами", как